

Спустя некоторое время Гу Цзинмо открыл ему дверь.

Выглядел он изможденным: волосы распущены, не уложены, под глазами залегли темные круги.

Лян Цзянь опешил: что это за вид, будто он собрался возноситься в бессмертные?

— Супруга... — под строгим взглядом Гу Цзинмо Лян Цзянь поправился: — Брат Гу, что с тобой? Заболел?

Гу Цзинмо ответил невнятным мычанием и указал на свое горло, давая понять, что не может говорить.

Лян Цзянь вошел в комнату. В углу тлея ароматическая палочка с прохладным запахом мяты, а на столе высились стопки книг.

Прямо как подготовка к выпускным экзаменам.

Несколько дней назад Гу Цзинмо обмолвился, что едет в столицу, чтобы навестить дядю, занимающего высокий пост, обзавестись связями в правительстве и заодно подготовиться к весенним экзаменам.

Ну чем не ЕГЭ вперемешку с экзаменом на госслужбу?

— Позже приглашу лекаря, пусть осмотрит тебя, — сказал Лян Цзянь. — Ишь ты, заболел и молчишь, даже не сказал мне!

Гу Цзинмо опустил веки. Его длинные ресницы мелко дрожали, словно сухие листья на ветру. Он подошел к столу, взял кисть и начертил на бумаге: Вчера простудился, недуг невелик, посему не хотел тревожить тебя.

Стиль вэньянь всегда придавал его словам оттенок торжественности, что вполне соответствовало его характеру.

Лян Цзянь сглотнул, усадил Гу Цзинмо на стул и серьезно произнес:

— Открывай рот, посмотрю, нет ли воспаления.

Гу Цзинмо, видя его серьезное лицо, решил, что тот умеет лечить, и, крайне удивленный, послушно высунул язык.

Лян Цзянь взял кусочек пирожного из маша и откусил его.

Гу Цзинмо нахмурился, в его глазах промелькнуло недоумение.

В следующее мгновение Лян Цзянь подался вперед, накрыл его губы своими и языком протолкнул сладкую, мягкую массу в рот собеседника.

— Попробуй, вкусно? — хрипло спросил он.

Гу Цзинмо, совершенно не ожидавший такого поворота, был застигнут врасплох. Его рот наполнился вкусом пирожного, а наглый язык принялся исследовать полость рта, намеренно дразня его.

— Отпусти... — он попытался оттолкнуть плечи Лян Цзяня, но разве тот позволил бы? Лян Цзянь бесцеремонно оседлал его, обхватил руками за шею, зажав между спинкой стула и своей грудью.

— Не дергайся, — прошептал Лян Цзянь, прижимаясь к нему и обдавая ухо горячим дыханием, а затем принялся нежно покусывать ушную раковину. — Обними меня, хорошо?

Кусочек пирожного таял, разливая по рту нежную, едва уловимую сладость.

Тело Гу Цзинмо напряглось.

— Брат Гу... — тихо позвал Лян Цзянь. Его голос звучал вкрадчиво и сладко, а в глазах-персиках плясали искры, полные лукавства.

Услышав это, Гу Цзинмо, который собирался оттолкнуть его, лишь слабо коснулся его плеч, беспомощно глядя на него.

Лян Цзянь усмехнулся и снова потянулся к его губам. Он целовал мастерски, а Гу Цзинмо, будучи человеком сдержанным, лишь позволял ему играть с собой. Лян Цзянь, словно глядя кота, нежно поглаживал его по затылку, а его язык, подобно гибкой змее, сплетался с языком Гу Цзинмо, жадно танцуя в унисон.

Когда поцелуй закончился, Гу Цзинмо оставался спокойным, а вот Лян Цзянь был взбудоражен.

Он крепко обнимал Гу Цзинмо, уткнувшись лбом ему в плечо. От него исходил приятный аромат, и Лян Цзянь жадно вдыхал его, прижимаясь всем телом так плотно, чтобы Гу Цзинмо почувствовал жар, разливающийся в его паху.

— Цзинмо, я хочу тебя, — он склонил голову и лизнул его в шею, обдавая кожу жаром. — Ты мне нравишься.

Гу Цзинмо молчал, но Лян Цзянь заметил, как дернулся его кадык.

Значит, он не бесчувственен...

Сердце Лян Цзяня радостно подпрыгнуло. Он протянул руку к поясу Гу Цзинмо, но тот перехватил его пальцы.

Лян Цзянь был глубоко разочарован и обиженно пробормотал:

— Брат Гу...

— Не подобает предаваться утехам среди бела дня, — тихо произнес Гу Цзинмо. Из-за сильной простуды каждое слово давалось ему с трудом, его чистый и мягкий голос стал на несколько тонов ниже, приобретя соблазнительную хрипотцу.

Лян Цзянь, словно маленький дикий зверь, покусывал его шею, тяжело дыша, пытаясь унять бешеный стук сердца.

Чем больше Гу Цзинмо проявлял воздержанность, тем сильнее хотелось его сломить.

Впрочем, торопиться не стоит.

Лян Цзянь с досадой вздохнул и попытался вытянуть руку, но Гу Цзинмо сжал его пальцы крепче. Лян Цзянь поднял взгляд и встретился с ним глазами.

Гу Цзинмо долго смотрел на него, а затем внезапно спросил:

— Почему ты женился на мне?

— М? — Лян Цзянь на мгновение замер. — С первого взгляда влюбился, вот почему.

Любовь приходит неведомо откуда, но становится лишь глубже.

Гу Цзинмо слегка нахмурился и разжал пальцы.

Он вспомнил, как в тот миг, когда Лян Цзянь поднял на него взгляд, в его глазах горела такая жгучая собственническая страсть, будто она могла сжечь саму душу.

Неужели это и есть чувство любви?

Гу Цзинмо был старшим сыном от наложницы, у него было несколько младших братьев и сестер. Как незаконнорожденному, ему внушали смирение, а как старшему — рассудительность и серьезность.

Его поведение было безупречным, все называли его истинным благородным мужем.

Он чувствовал одобрение старших, восхищение сверстников и почтение младших.

Но... между ним и остальными всегда была невидимая стена.

Такое общение называют чистым, как вода.

Еще никто никогда не жаждал так сильно приблизиться к нему, даже завладеть им.

Никто, кроме этого юного господина из логова разбойников.

В его спокойном, как зеркало, сердце внезапно пошли круги от этого пылкого чувства.

Он вдруг даже позавидовал Лян Цзяню.

Тот мог так открыто выражать свою симпатию.

Видя, что Гу Цзинмо погрузился в свои мысли, Лян Цзянь недоуменно спросил:

— Что такое, брат Гу? О чем задумался?

— Ни о чем, — Гу Цзинмо быстро взглянул на него, взгляд его был невероятно сложным, и он тут же отвел глаза, уставившись в пол.

Лян Цзянь, ничего не поняв, лишь сказал:

— Пойду поищу лекаря, — и вышел из комнаты.

[Уровень симпатии цели захвата — 20. Пожалуйста, продолжайте в том же духе.] — звякнула Система.

— Ты пугаешь, когда так внезапно говоришь! — Лян Цзянь закатил глаза к небу, но тут же заинтересовался сообщением. — Целых 20 очков? С чего бы это?

Что он сделал? Просто вел себя как обычно, приставал... Если только сегодня он вел себя особенно навязчиво, так сильно хотелось заняться любовью, это считается?

Но Гу Цзинмо ведь явно не любит обнимашки?

[Это называется «накопление ведет к прорыву», — Система пролистала словарь идиом. — Вода нагревается до 99 градусов и все еще не кипит, но стоит добавить еще немного тепла, как она превращается в пар.]

[Ты дело говоришь, — Лян Цзянь подпер подбородок рукой и задумчиво произнес: — Похоже, впредь мне нужно быть еще более бесстыдным.]

Система помолчала: [Предупреждаю: отличительная черта благородного мужа — мягкость и умеренность. Он не бывает слишком холодным или слишком горячим. Я проверила: симпатия Гу Цзинмо к окружающим обычно варьируется от 20 до 60. Выше 60 — только его мать и наставник, и то максимум 80.]

— Похоже, он крепкий орешек.

[Очень крепкий, — подчеркнула Система. — Старайся.]

Лян Цзянь улыбнулся. Ему нравились вызовы. Как с острой едой: хоть и знаешь, что потом будет больно... но это боль вперемишку с удовольствием!

...

Лян Цзянь привел лекаря, тот осмотрел Гу Цзинмо и выписал снадобье. Лян Цзянь взглянул на рецепт — самые обычные травы.

Желая показать свою преданность, Лян Цзянь сам отправился в аптеку у подножия горы. Он хотел лично напоить его отваром, но Гу Цзинмо безжалостно отказался.

Тогда он решил отправиться в лес за дичью, чтобы поправить здоровье Гу Цзинмо.

Надев охотничий костюм, Лян Цзянь проверял лук и стрелы. Гу Цзинмо некоторое время наблюдал за ним, а потом спросил:

— Можно мне с тобой?

Лян Цзянь окинул его взглядом:

— Ты еще не поправился, нельзя тебе на ветру стоять.

Гу Цзинмо поджал губы, выглядя разочарованным:

— Я столько дней провел во дворе, хочется выбраться.

Лян Цзянь не выносил, когда его о чем-то просили таким мягким тоном. Подумав, что сидеть

взаперти тоже не полезно, он смягчился:

— Оденься потеплее и не отставай.

Гу Цзинмо покорно кивнул.

Он хотел воспользоваться этим шансом, чтобы сбежать.

Стояла глубокая осень, трава пожелтела, деревья облетели. По утрам в лесу стелился легкий туман, а в густой траве по колено блестела ледяная роса.

Лян Цзянь ехал на белоснежном скакуне с луком за спиной. Гу Цзинмо, держась на полкорпуса позади, ехал на послушной коричневой лошади.

К полудню они добрались до густого леса, где кроны деревьев закрывали небо. На седле Лян Цзяня уже висели два диких кролика и фазан.

— С таким мастерством стрельбы ты нигде не пропадешь, зачем же было становиться разбойником? — с сожалением сказал Гу Цзинмо.

Лян Цзянь лишь усмехнулся, промолчал.

Лян Цзянь ехал впереди, и Гу Цзинмо постепенно начал отставать. Увидев, что тот не обращает на него внимания, он крепко сжал поводья, развернул лошадь и попытался ускакать.

Вдруг:

— Змея! — вскрикнул Лян Цзянь.

Он только что подстрелил кролика и спешил, чтобы подобрать его, не заметив в густой траве свернувшуюся змею. Наступил на нее, та мгновенно взвилась, укусила его за голень и молнией скрылась в чаще.

— А-а! — вскрикнул Лян Цзянь и присел, чтобы осмотреть ногу. Штанина была прокушена, на коже виднелись два кровавых следа.

Гу Цзинмо посмотрел в глубь леса, затем на Лян Цзяня.

Поколебавшись, он подъехал к нему.

Опустившись на колени рядом, он с тревогой спросил:

— Укусила?

Рана уже начала синеть.

Лян Цзянь только хотел сказать, что змея была неядовитой, как Гу Цзинмо, не раздумывая, закатал его штанину и, уставившись на крошечные ранки, припал к ним губами.

— ... — Лян Цзянь молча проглотил правду и притворился умирающим.

Он всхлипнул:

— Супруга, я что, умру?

— Нет, — нахмурился Гу Цзинмо. Он даже не возразил, что его называли супругой, лишь низко склонил голову, губами высасывая из раны «отравленную» кровь.

— Супруга, перед смертью у меня есть лишь одно желание... — Лян Цзянь отвел взгляд.

Гу Цзинмо выглядел предельно серьезным, в его ясных глазах читалось сострадание.

— Говори, я исполню все, что в моих силах.

Лян Цзянь дернул уголок рта и, схватив руку Гу Цзинмо, положил ее себе на живот:

— После моей смерти... позаботься о нашем ребенке...

Гу Цзинмо застыл, ошеломленно глядя на него:

— Ты...

Лян Цзянь невинно улыбнулся:

— Шучу я.

Гу Цзинмо оцепенел, а через секунду яростно отшвырнул его руку:

— Ты, негодник...

А ведь он чуть было не поверил, что Лян Цзянь сейчас умрет от яда!

А главное — он ведь мог сбежать!

Гу Цзинмо с мрачным лицом бросил Лян Цзяня, запрыгнул на коня и, пришпорив его, поскакал обратно.

Лян Цзянь смотрел ему вслед:

— Эй, эй, супруга, я не прав, подожди меня!

Гу Цзинмо даже не обернулся.

[Доигрался, — язвительно заметила Система.]

— М-да, — огорченно протянул Лян Цзянь.

— Ты правда злишься? — Лян Цзянь поставил на стол Гу Цзинмо кувшин вина. — Пятьдесят лет выдержки, Нюйэрхун, в знак извинения, а?

Гу Цзинмо как раз практиковался в популярном нынче стиле каллиграфии Гуаньгэ. Услышав его, он бросил на него взгляд:

— В чем же ваша вина, сударь?

Лян Цзянь прижал руку к груди, выглядя крайне скорбно:

— Виноват в том, что не могу родить ребенка.

— ... — Гу Цзинмо начал про себя читать заклинание успокоения сердца, решив больше не обращать внимания на этого актера.

Лян Цзянь прыгал вокруг него, пока наконец, под предлогом того, что луна сегодня очень круглая, не вытащил его на крышу пить вино и любоваться луной, подражая ученым мужам.

Они сидели на черепице, лунный свет лился сверху, аромат османтуса был густым, с нотками увядания. Гу Цзинмо смотрел на луну, а Лян Цзянь пил чашу за чашей.

— Помнишь, на охоте ты спрашивал, почему я стал разбойником? — Лян Цзянь лежал на крыше, подложив руки под голову. Одна нога была согнута, другая закинута на нее, он ритмично покачивал ею, выглядя совершенно беспечно.

Гу Цзинмо опустил глаза, молча глядя на его лицо.

Лян Цзянь схватил кувшин и, словно воду, влил в себя густое вино:

— Все просто. Я ведь не из чиновничьей семьи, как ты. Я сирота. Подобрали разбойники — стал разбойником, подобрали бы куртизанки — стал бы мальчиком для утех, подобрали бы нищие — побирался бы на улице.

Гу Цзинмо нахмурился:

— К чему такое самоуничтожение?

— Жизнь моя — как ряска на воде: куда прибьет, там и дом. Прибило в тину — ну и увяз.

Гу Цзинмо тихо вздохнул. Разве он не понимал, что значит быть несвободным? Будучи старшим сыном от наложницы, он должен был подавать пример братьям, но при этом не смел быть слишком выдающимся, чтобы не вызывать опасений у главной жены и законных наследников. Каждый шаг приходилось делать с осторожностью.

Половина лица Лян Цзяня была освещена луной, он казался прекрасным небожителем, другая же половина тонула в ночной тьме. Его глаза, казалось, светились, или же в них отражался свет звезд.

Гу Цзинмо смотрел на него, не в силах отвести взгляд.

Ночной ветерок охлаждал лицо, но не мог погасить свет, разгорающийся в сердце.

Он прошептал:

— Почему не выбрался из тины?

Лян Цзянь усмехнулся:

— Для этого кто-то должен протянуть руку. Самому из тины не выбраться.

Гу Цзинмо молча смотрел на него, а затем внезапно спросил:

— Вино еще есть?

— Сколько угодно. — Лян Цзянь протянул ему кувшин, глядя на усыпанное звездами небо, и его губы медленно растянулись в улыбке.

[Уровень симпатии цели захвата — 40. Пожалуйста, продолжайте в том же духе.] — отчиталась Система и добавила с сомнением: [И почему это произошло?]

— Спасение падшей души, — Лян Цзянь потер виски. От избытка вина мир перед глазами начал кружиться. — Мужская жалость к слабым. Разве моя судьба не жалка? Одиноким юноша, вынужденный стать бандитом, отдавший ему свое сердце — не верю, что он не тронут.

В полудреме Гу Цзинмо толкнул его в плечо:

— Поздно уже, спускайся, пора спать.

Лян Цзянь, пребывая в полусне, пробормотал что-то невнятное, не желая двигаться.

Гу Цзинмо помедлил, затем сказал:

— Дай руку, я донесу тебя.

Лян Цзянь послушно обвил шею Гу Цзинмо руками, крепко обхватив его поясницу ногами. Гу Цзинмо чувствовал щекотку, закусил губу и, одной рукой придерживая его, а другой цепляясь за лестницу, осторожно спустился вниз, боясь уронить своего пьяного спутника.

Он снял с Лян Цзяня верхнюю одежду, уложил на кровать бабучуан и уже собирался уйти, но Лян Цзянь намертво вцепился в его полы халата.

— Побудь со мной... — в его голосе звучала мольба.

Словно ребенок, просящий родительской ласки.

Гу Цзинмо закрыл глаза, ведя с собой ожесточенную внутреннюю борьбу, затем снял обувь и лег рядом с Лян Цзянем.

На следующее утро Лян Цзянь проснулся, увидел спящего рядом Гу Цзинмо, поцеловал его в губы и на цыпочках встал с постели.

Гу Цзинмо целыми днями пропадал за книгами, и Лян Цзянь, чтобы не мешать, по привычке вышел во двор размяться с мечом Тайцзи. Только он начал тренировку, как вдруг почувствовал холод в спине, словно на него смотрел голодный волк. Лян Цзянь нахмурился и обернулся: неподалеку стоял мужчина в длинном черном халате.

Лян Цзянь почувствовал раздражение, но натянул улыбку:

— Дядюшка Эр, какой ветер занес вас в мой скромный двор? Дела внизу уладили?

Чжэн Даонянь отвязал с пояса кнут и начал вертеть его в руках. Его орлиный взгляд впился в лицо Лян Цзяня.

Он был высоким и крепким, со шрамом на надбровной дуге, что придавало ему еще более свирепый вид и внушало страх.

— Ты женился, пока меня не было, не должен ли я был вернуться, чтобы выпить на твоей свадьбе? — насмешливо произнес Чжэн Даонянь.

Лян Цзянь сложил руки:

— Прошу прощения, как-нибудь в другой раз приглашу вас выпить.

Чжэн Даонянь внезапно сделал два шага вперед, прижал Лян Цзянь к стволу османтуса. Грубая кора терлась о нежную кожу сквозь шелковую одежду, лицо Лян Цзянь помрачнело.

Чжэн Даонянь двумя пальцами сдавил подбородок Лян Цзянь, заставляя его поднять голову и смотреть прямо в глаза.

— А-а... — он сделал больно.

Чжэн Даонянь холодно спросил:

— Ты сделал это нарочно, да?

— Нарочно что? Я не понимаю, — Лян Цзянь прикинулся дурачком и оттолкнул его руку. — Я уже женат, дядюшка Эр, прошу, не приставайте ко мне.

— Хм, — Чжэн Даонянь схватил его за горло, в глазах проступили красные прожилки. Он прошептал ему на ухо: — Ты моя суженая с детства, а женился на другом? Смелости тебе не занимать.

Лян Цзянь пытался оторвать его руку, мысленно проклиная его. Ты же не моя цель захвата, какая польза от брака с тобой!

— Отпусти... ты хочешь меня задушить? — он гневно уставился на Чжэн Даоняня.

Тот отшвырнул его. Лян Цзянь пошатнулся, едва устоял на ногах, хватаясь за горло и кашляя, щеки его залились краской.

— Щелк!

Раздался резкий свист кнута. Кончик кнута, казалось, нес с собой ледяной вихрь.

Лян Цзянь не успел среагировать и получил удар.

Кнут полоснул по плечу, наискосок через грудь и живот. Несмотря на глубокую осень и плотную одежду, острая боль пронзила его кожу!

Глаза Лян Цзянь мгновенно покраснели.

— Да ты... — он хотел выругаться, но Чжэн Даонянь замахнулся во второй раз!

Лян Цзянь в ужасе отскочил в сторону, кончик кнута задел его, и от боли на глаза навернулись слезы.

— Да пошел ты к черту, Чжэн Даонянь! Какое тебе дело, что я женился? Совсем с катушек съехал? Вот скажу приемному отцу, он тебе задаст! — Лян Цзянь взбесился и бросился бежать.

Чжэн Даонянь бросил кнут и рванулся за ним, лицо его исказилось от ярости:

— Тебе не уйти, Лян Цзянь, маленький господин, я сегодня же возьму тебя здесь!

Если бы не поддержка Системы, Лян Цзянь был бы слабаком.

Но, к сожалению, пока жизни ничего не угрожает, Система не станет менять его физические показатели.

Чжэн Даонянь схватил его за волосы и дернул назад. Лян Цзянь вскрикнул от боли, упал в его объятия, и тут же был прижат к земле.

Чжэн Даонянь принялся рвать на нем одежду. Лян Цзянь пинал его ногами:

— Не смей! Я тебя убью!

— Я ждал тебя десять лет, ты наконец вырос, и что, собрался замуж? Кроме меня, за кого ты еще хочешь выйти! — Чжэн Даонянь, словно обезумевший зверь, с горящими глазами сорвал с него верхнюю одежду.

Лян Цзянь в отчаянии всхлипнул.

И в этот миг холодный блеск промелькнул перед его лицом.

Меч, которым он тренировался, оказался в руках Гу Цзинмо. Острие было направлено прямо на Чжэн Даоняня.

— Естественно, за меня.

Лян Цзянь жалко лежал на земле, раскинув руки, с одеждой в беспорядке, обнажающей участки бледной кожи.

<http://bllate.org/book/21563/2220082>